

Две любви лесовода Дьяконова: природа и поэзия

В 2013 г. издательство холдинга «Новая книга» в недавно основанной книжной серии «Из фондов музея» опубликовала вторую по счёту работу, которую музейщики назвали «Времена камчатского года». Она составлена из материалов, в разное время подготовленных некогда хорошо известным на нашем полуострове человеком, первым заслуженным лесоводом Камчатки Павлом Николаевичем Дьяконовым (1908—1971). Он был энтузиастом изучения и неутомимым популяризатором важности сохранения природных богатств полуострова, к тому же великолепным рассказчиком и талантливым человеком, увлечённым поэзией. Те, кто постарше, ещё помнят его великолепные очерки, заметки и стихи, публиковавшиеся в газете «Камчатская правда» и звучавшие по радио.

Некоторые документы, накопленные за долгую трудовую и творческую жизнь, Павел Николаевич 17 декабря 1968 г. сам сдал в Государственный архив Камчатской области, где был основан его личный фонд, получивший учётный номер 346. Значительная же их часть после его смерти хранились в семье, в частности, у дочери Валентины Павловны Гречениной. Ныне она живёт в посёлке Просвет Самарской области, а до этого много лет трудилась в областном управлении связи, полтора десятка лет прожила в посёлке Дальнем, затем, в 1990-х годах, переехала в Самару, потом вернулась обратно, а в начале 2000-х гг. уехала окончательно.

Перед отъездом она оставила «на сохранение» значительную часть накопленных отцом материалов камчатским учёным, а они, в свою очередь, передали их в тогда ещё Камчатский областной краеведческий музей. На основе этих бумаг в 2013 г. и была подготовлена названная выше книга, вобравшая значительную часть его творческого наследия и около сотни стихотворений, написанных в разные годы.

Но так случилось, что отдельные рукописи попали в руки недобросовестных «распорядителей», которые пытались воспользоваться ими в своих интересах. Проще говоря, занялись

плагиатом. В начале 2000-х гг. вышла брошюра с «заимствованными» дьяконовскими текстами. Но усилиями наших краеведов и настоящих исследователей плагиатор был, что называется, выведен на чистую воду. По этому поводу в местных и даже центральных газетах разразился большой скандал...

К сожалению, во время подготовки книги к изданию и несколько лет после её выхода в свет музейные работники ничего не знали о Валентине Павловне, кроме лишь того, что она живёт «где-то на материке». Познакомиться лично с этим удивительным и душевным человеком нам удалось только осенью 2017-го. А прологом к этому стал вот такой случай. Более чем за год до этого её старинная подруга, живущая в Елизово, случайно увидела эту книжку на библиотечной полке. Она тут же позвонила Валентине Павловне, забыв о многочасовой разнице во времени, и, подняв ту среди ночи, сообщила ей весть о том, что труды и имя её отца не забыты и теперь «отлиты» в виде вполне солидного издания.

Дальнейшее оказалось делом техники. Валентина Павловна обратилась в музей ещё летом 2016 г., пообещав приехать в Петропавловск и привезти новые, неизвестные нам материалы из домашнего архива, как только позволят обстоятельства. Они позволили сделать это в октябре 2017 г., когда Валентина Павловна осуществила своё давнее желание побывать на горячо любимой Камчатке, встретиться со старыми знакомыми. Тогда же в руки главного хранителя Камчатского краевого объединённого музея Светланы Владимировны Графской перешло множество уникальных фотографий 1920—1950-х гг., альбомов, оригиналов рукописей стихотворных и прозаических работ, отдельные документы. Все они ныне входят в личный музейный фонд П. Н. Дьяконова.

Встреча с Валентиной Павловной состоялась и в стенах гостеприимной краевой научной библиотеки в рамках очередного заседания Крашенинниковского краеведческого общества. Здесь состоялся заинтересованный разговор о жизни и творчестве П. Н. Дьяконова с показом отдельных фотоматериалов.

А через пару месяцев, в самом конце 2017-го, в музей пришло от неё письмо с подготовленными по просьбе научных сотрудников воспоминаниями о любимых родителях Павле Николаевиче и Марии Александровне Дьяконовых. Вот к ним мы сейчас и обратимся.

Впервые П. Н. Дьяконов приехал на Камчатку в 1935 г. За восемь лет до этого он окончил Вельский лесной техникум и работал в Помоздинском лесничестве, что в республике Коми. Сначала был помощником, а потом стал лесничим. По делам службы и во время отпусков объездил весь Ямало-Ненецкий округ. В 1935 г. Павел Николаевич приехал на Камчатку и стал трудиться в Усть-Камчатском, а позже — в Петропавловском лесничестве. В 1946 г. стал начальником Камчатского областного управления лесного хозяйства. В 1948 г. был переведён в Хабаровск, в краевое управление лесного хозяйства, в отдел охраны лесов от пожаров (в то время Камчатская область входила в состав Хабаровского края).

Как указывает Валентина Павловна, живя в Хабаровске, «папа часто ездил в командировки на Чукотку, в Магадан, на Сахалин. Вместе с Георгием Фёдоровичем Стариковым они писали книги о лесах Чукотки, Магадана и Камчатки. В 1954 г. вышла их книга “Леса полуострова Камчатка”. Это было уже переработанное и дополненное издание, а первое вышло в 1952 г. В 1955 г. вышла книга “Леса Чукотки”. Такой напряжённый труд не мог не сказаться на их здоровье. У папы случился микроинсульт, мама все его рукописи спрятала и сказала: “Ты мне нужен не знаменитый, а здоровый”».

Это и стало причиной его возвращения на Камчатку, в Ключи на должность директора Ключевского лесхоза. Там он проработал до 1967 г.

«За время работы в Ключах папа был удостоен звания заслуженного лесовода РСФСР и награждён орденом Трудового Красного Знамени, знаком “XXX лет в лесной охране” и большим количеством почётных грамот. В летние каникулы он всегда привлекал школьников для работы в питомнике на посадке молодых саженцев для возобновления лесного массива, на сбор семян. Много беседовал с ними о красоте

леса, о пользе его для людей, для всего облика нашей земли, пояснял, что лес — это наше богатство. Он даёт жизнь и красоту. В это время он работает с “Камчатской правдой”, ведёт уголок фенолога, издаёт брошюру “Заметки фенолога”. Очень многим дал путёвки в Вяземский лесной техникум».

В этой трудной повседневной работе Павлу Николаевичу помогала жена, бывшая ему опорой во всём. Валентина Павловна вспоминает: «Когда мы жили в Ключах в лесхозе, из всех лесных институтов, академий приезжали к нам профессора, преподаватели для работы в поле по сбору материалов для своих научных трудов. Все они жили у нас в лесхозе, а мама привечала их, была для всех хлебосольной хозяйкой, умела вести беседу, как с учёными, так с лесниками. Она была очень мудрой и очень доброй, и всегда знала, с кем и как себя вести. Она была достойной помощницей папе. Папа всегда уважал свою “Мусеньку”. Папа был очень скромным человеком, не очень-то мог постоять за себя перед начальством, а мама могла. Так что в том, что папа многого достиг, её большая заслуга.

Папа был очень разносторонним человеком, интересовался астрономией, много читал о путешественниках, о космосе и очень интересно рассказывал обо всём этом. Я очень любила слушать эти рассказы, так как они для меня были более понятны, чем если бы я всё это прочитала сама. Так что помимо школы я образовывалась от общения с папой и учёными людьми, приезжавшими к нам.

Мама в своё время окончила церковноприходскую школу и имела образование семь классов. Для того времени это было хорошее образование. Она мне даже помогала в начальных классах по математике. Она много читала и хорошо шила, прекрасно готовила и вообще была спорой на руку, то есть у неё всё в руках словно горело. В Ключах мы имели корову и двух телят, кур, уток, поросёнка и большой огород. Папа этим занимался мало, так как всегда был занят на работе и много писал. Со всем домашним хозяйством управлялась мама. У нас всегда был до ухода папы на работу готов завтрак, во время и ужин. Мама была очень рачитель-

ной хозяйкой, очень доброй, но в то же время знала, с кем можно быть доброй, обмана не терпела.

В 1968 г. папу перевели в Петропавловск, в областное отделение общества охраны природы. 3 января 1968 г. папа получил двухкомнатную квартиру на улице Горького, и они с мамой поселились в ней...

Переезд в Петропавловск не очень хорошо сказался на здоровье папы. В 1969 г. у него произошёл инсульт, он очень тяжело восстанавливался. Благодаря усилиям врача-кардиолога Лили Витальевны Шептарской смог вернуться к работе консультанта в Петропавловскую лесную станцию. В это время он завершил рукопись книги “Птицы Камчатки” и продолжал писать заметки о природе в “Камчатскую правду”. Желанию папы оставаться в строю всё чаще стало мешать ухудшение здоровья: сдавали сердце, печень, начались другие болячки. В октябре 1971 г. его положили в областную больницу, в онкологическое отделение.

5 декабря 1971 г. папы не стало... Его выписали домой, объяснив, что сделали всё, что могли, и он умер в воскресенье в десять часов вечера в полном сознании в кругу семьи.

Его небольшая книга “Зелёный друг Камчатки” на основе рукописи “Зелёная фабрика Камчатки” была издана уже после смерти, в 1973 г., благодаря усилиям Нины Алексеевны Ефремовой. Светлая ей память за это. А спустя почти двадцать лет, благодаря трудам Н. Н. Герасимова, увидела свет папина рукопись “Птицы Камчатки”, напечатанная в 2000 г. в альманахе “Биология и охрана птиц Камчатки”, за что я ему безмерно благодарна.

Я очень благодарна всем камчатцам, тем, кто помнит моего папу Павла Николаевича Дьяконова, тем, кто принимал участие в напечатании его рукописей. Со дня смерти папы прошло много лет, а память о нём жива. Это греет мою душу, хотя я сейчас живу далеко от Камчатки. Память о папе и маме — это неразрывная связь с ней.

Хочу ещё раз назвать тех людей, которые были близкими друзьями папы. Особенно папину тётю — Евгению Александровну Шутову, которая помогала ему, когда он учился в Вельском

техникуме. В Хабаровске он продолжал дружить с камчатцами, которые, как и он, переехали сюда. Это — Иван Васильевич Карниченко, Георгий Иванович Малахов, с которым папа в 1935 г. совершил восхождение на Ключевскую сопку. Часто к нам в Хабаровск приезжали Константин Васильевич Капустин, Василий Зиновьевич Петрухов. По возвращении на Камчатку папа продолжал дружить с ними до конца жизни. Дружба с Георгием Захаровичем Гайдукевичем (известным фотографом, настоящим камчатским летописцем 1930—1980-х гг. — С. Г.) сопровождалась частыми встречами.

В Ключах частыми гостями у нас были вулканолог Александр Евгеньевич Святловский, Марат Егорович Шанан, Павел Михайлович Ефремов, Владимир Алексеевич Шанин. Зарисовки к рукописи о птицах Камчатки выполнил Дмитрий Ефремов. Он в это время работал в Козыревске на лесной опытной станции. В 1967—1968 гг. на телевидении снимался фильм о папе “Рыцарь природы”. Этим занимались Владимир Михайлович Яськов и Анатолий Алексеевич Мясников».

Не секрет, что некоторые люди, проводящие в силу профессии много времени в общении с природой, в какое-то время начинают испытывать тягу к литературному или художественному творчеству. Видимо, отчасти этому способствуют и их служебные обязанности — необходимость накапливать и упорядочивать сведения, выполнять зарисовки и фотографии, составлять планы, вести полевые дневники. У большинства исследователей это ничем особым не завершается, но в отдельных случаях даёт удивительные ростки. Это в полной мере относится к П. Н. Дьяконову. Ниже мы публикуем два рассказа и подборку стихотворных работ из творческого наследия Павла Николаевича. Ранние датируются 1947 г., наиболее поздние написаны в 1969 г.

Да, ещё хочется упомянуть и о таком факте: в середине 1980-х гг. на слова одного из стихотворений П. Н. Дьяконова «Что ещё не лето на душе печальной...» была написана песня, звучавшая по радио. А автором музыки к ней стала его дочь — Валентина Павловна Греченина.

Подготовил *С. Гаврилов*

П. Н. Дьяконов во время работы в Помоздинском лесничестве, 1920-е гг.

Помоздино, конец 1920-х гг.

Поединок

Нападение случилось неожиданно, как громовой раскат. Душный июльский вечер забросал тенями редкий старый березник, накинул тёмные плащи на сопки. В реке вода — тушь — глушила последние лучи, и только редким из них удавалось вырваться, блеснув серебром. Ни ветерка. Воздух тяжёл и распарен. Забравшись в березник, коровье стадо лениво шевелит ртами. Покой...

Но что-то двигалось — тёмно-бурая масса, похожая в сумерки на большую кочку. Двигалась тихо-тихо. Ни один сук не треснет, ни одна ветка не качнётся. Всё ближе и ближе...

Несколько тяжёлых на вид, но страшных в своей мягкости прыжков, и медведь среди стада. Оно замерло. Так удар грома, которого не ожидаешь, заставляет цепенеть, и первые секунды парализуют волю.

Оказавшаяся перед медведем тёлка пружинисто вскочила, но мощный удар лапой согнул её, а когти, пронзив шкуру, впились под рёбра. Телка, хрипло взмычав, упала с переломанной шеей. Коровы бросились врассыпную, оцепенение прошло. Медведь рванулся, сгрёб ещё одну, но не удержался, и клок шкуры свис с её спины. Он погнался за другой, и...

Опустив голову, перед ним стоял хозяин табуна, мощный красавец-бык. В первую секунду он тоже ничего не понял, но не убежал. Медленно соображая, он раздувал ноздри, пока в них не попал зловещий звериный запах. Мычание тёлки и бегство стада распалили гнев. Когда медведь налетел на него, он по кодексу бычьих турниров уже рыл копытами землю и сурово фыркал.

Удар медвежьей лапы, казалось, мог раздробить камень, но вскинулась тяжёлая голова, и медведь полетел в сторону... Как он обозлился! Как заревел! И снова кинулся в бой. Но и бык с грозным мычанием уже наступал. Наступал ещё тихо, шаг за шагом...

Снова попытка удара, снова медведь летит... Бык перешёл на тяжёлый галоп, и когда зверь поднялся, он принял его на рога. Широки бычьи рога. Медведь оказался прижат

к старой толстой берёзе. Удар такой силы раздавил бы всякого другого, но медвежьи кости ещё скользили по напряжённой бычьей шее, рвали шкуру, хотя, парализованные, больше уже не могли причинить серьёзного вреда.

А бык, упрямый в своём неистовстве, всё жал и жал широким лбом, пока зверь не обессилел и не затих навсегда. Даже ему оказалось не под силу эта упрямая бычья мощь.

Положение создалось критическое. Едва бык начинал отходить, мёртвый медведь валился на него, и он с тупым упрямством принимался давить снова. Сколько раз повторялось это, кто знает, а медведь был передавлен почти надвое...

Мы тихо подошли и долго смотрели на это редкое единоборство. Наконец неосторожное движение выдало нас, и был, заметив людей, хрипло вздохнув, отошёл. Медведь упал... Сделав несколько шагов, бык тоже упал... Но он не умер, нет. Пролежав с час, он тихо встал, ещё раз боднул зверя и, встряхнувшись, медленно пошёл в деревню. Походка его была неуверенна, а широкую мощную шею заливала кровь.

Тяга к жизни

На Толбачике — шапка. Белая-белая, как гигантский гриб. А доли чистые. Каждый камень, каждая скала выделяются чётки, манят причудливой формой, обещают камчатского красавца — барана.

Есть своеобразная прелесть в таких местах. Красок в них немного — серый фон и чёрные крапины камня. Но так чист воздух, так беспредельна пёстрая даль, что дух охватывает волна простора, ощущение почти безграничной свободы. Охватывает и уже не отпускает. Долго-долго, даже после спуска, стоят перед глазами эти серые картины. И жаль их, и тоска охватывает сердце. И манят, зовут они обратно. Кто побывал в горах, тот потерянный человек.

Василий Петрович Попов и был таким человеком. Он не профессионал, он любитель, а более того — бродяга, охотник в вечной погоне за прекрасным. Тихую гладь лесного озера, розовый закат над тундрой, плавный полёт лебедя —

всё замечает его глаз. Но горы... Горы — это Эльдorado красивого в самом широком смысле...

Чуть свет разбрелись охотники по скалам. Редкое эхо выстрелов говорило привычному уху, что поиски зверя не безрезультатны. Василий Петрович отбилсЯ от остальных. Он всегда так вот, предпочитал один. Шаг за шагом, внимательно осматривая камни, забрался в вершину Ушковской речки. Страшные обрывы, вертикальные стенки, острые, как шилья, дайки преградили путь. Это знаменитый «Бараний загон». Даже горный баран с его привычкой к скалам и копытами, способными встать на опору меньше ладони, с трудом находит здесь путь. Но любит он эти места. Редок здесь человек...

В фокусе бинокля скользят скалы. Каждая точка осматривается неоднократно и очень внимательно. Терпение и внимание — основное в этой горной охоте.

Стоп! Бинокль замер на одной точке. А, нет... А, пожалуй... Да, это он. Неподвижный, как изваяние на массивном каменном пьедестале. Он один, но Василий Петрович знает, что это одиночество обманчиво. Табунок лежит в камнях, и только один стоит на страже. Торопливо, но так же внимательно осматривает Василий Петрович подходы. Вот там, под отвесной стенкой по едва заметному карнизу, потом через острое ребро и крутой лощинкой можно подойти близко. Надо спешить, а то туман может скрыть не только зверя, но и обратный путь. Стенка. Узкий карниз, а внизу пропасть... И покалывающее ощущение близкой опасности, пожалуй, самое прекрасное в горной охоте.

Вот он! Мощное туловище на точёных ногах, крутые завитки толстых рогов, голова породистая, с горбинкой. Как гармонизирует он со всем окружающим! Жалко его, но...

Выстрел! Подпрыгнув, баран падает и катится вниз. Как на пружинах взлетает остальной табун. Ещё выстрел! Ещё! Всё, охота завершилась.

Чтобы попасть к убитым животным, требовалось пересечь крутой косогор, ниже отвесным изломом впадающий в реку. Косогор слегка обледенел, и благоразумие говорило,

что надо или отказаться, или искать другой путь. Но что остановит охотника!

Первый шаг, второй... Под ногами слегка шевельнулась галька, опора исчезла.

Скользкое, холодное чувство страха пронзило тело. А оно уже скользило вниз и вниз. Медленно, неотвратно, неизбежно... Ногти содраны, ладони изорваны в кровь. И не страх, он неизбежен в первую секунду, а жажда жизни упорно заставляет цепляться за всё. Жажда эта замедляла падение. Каждая галька служила опорой, но, увы, не могла сдержать падение. Наверное, то же испытывают казнимые гильотинной. Светлый холодный нож висит над шеей. Висит, и ничто не может удержать его падения, стоит палачу дёрнуть за верёвку. Взгляд даже отметит падение, но язык не может уже рассказать о нём, ибо с ударом отлетает жизнь. Она нетороплива в обычных условиях, но какой калейдоскоп воспоминаний разворачивается в короткие секунды, предшествующие гибели!

Василий Петрович вспомнил всё. Вот он — ребёнок, шаловливый ребёнок. Вот уже юноша — первое увлечение... Круг воспоминаний растёт — женщины, друзья, всё то, что составляет сложное понятие — жизнь. И она, та единственная, повторить которую нельзя, но которая одна могла бы объять все желания, останься он жив. Воспоминание о ней возникло не сразу. И не могло. С ним кончалась жизнь, или...

Ноги, не встретив даже скользкой опоры, упали в пустоту. Всё! Это конец! Внизу бездна. Речка воет бешеным зверем, а до неё много метров высоты. Водопады и тоннели красивы сверху, но...

Разум посылает последнее «прости». А жизнь, жизнь безумно возражает. Разум и жизнь поют молитву. Не к богу, нет, к ней...

Ещё миг и... стоп! Падение задерживается. Ладонь упёрлась во что-то устойчивое. Вторая машинально всей силой впилась тут же. И пришло сознание, что опора тверда. Это небольшой, но коренной, не сыпучий камень.

Вот тут Василий Петрович вторично ощутил противное, скользкое чувство страха, которое неизбежно возникает даже у самых храбрых мужчин. Кто же хочет умереть? Раз умирать неизбежно — это возможно, но это не значит, что жизни не жаль. Не жаль того, что не пережито ещё, не жаль того, что может дать жизнь... Герои те, кто, сознавая неизбежность, идут ей навстречу, а не те, кто подобен подонкам, бросается в крайность.

Но это же только отсрочка! Пальцы леденели, под локтем страшно мешал бинокль. Малейшая неосторожность, и шатакая опора станет бесполезной. Одно, именно одно, единственное движение могло подать вверх почти лишенное сопротивления тело. Кроме него любое другое движение было бы роковой ошибкой. Но какое? Как найти его среди тысячи других? А пальцы вот-вот разожмутся. Как всегда, не разум, а инстинкт, никогда не ошибающийся инстинкт, нашёл это единственное движение. Василий Петрович подтянулся на несколько сантиметров.

Как это произошло, он рассказать бы не смог, но чудо свершилось. Медленно, сантиметр за сантиметром, тело подтягивалось всё выше и выше. Вот, наконец, опора для рук стала ножной опорой. Это уже настоящая отсрочка, такая желанная, когда смерть смотрит в очи. Теперь руки могли отдохнуть.

Упершись ногой в спасительный выступ, Василий Петрович решал, что делать дальше. А туман в это время закрыл горизонт, укутал путь вверх и скрыл лежащую под ногами бездну.

Как тяжёл путь на Голгофу жизни! Охотничий нож — единственное оружие. Лунку за лункой долбит он в щебнистом грунте. Каждая из них должна быть выполнена честно, как бы не рвалось тело вверх! Последние метры особенно тяжелы. Он ножа осталась только ручка, пальцы и ладони нестерпимо ныли, но та же жажда жизни упорно твердила, что она — это то главное, за что стоит бороться. И успех пришёл.

Долго-долго лежал Василий Петрович на каменистой площадке, и эта твёрдая постель казалось такой родной

и уютной! Потом был путь. Знакомый и незнакомый, в густом тумане. Василий Петрович не мог бы рассказать о нём. Как он попал в палатку, как лёг и заснул тяжёлым, беспробудным сном, всё это прошло мимо сознания. В нём именно здесь зиял провал...

Август 1947 г.

Зелёный друг достоин добрых рук!

Я помню, словно сон плохой,
Пожар в лесу: смолит кора берёзы,
Парят в жаре черёмуха с ольхой,
С листвянки каплют золотые слёзы.

Углят кругом пеньки молодняка,
Поник осины обгоревший стволик.
Ель без хвои — как чёрная рука,
Застывшая от нестерпимой боли.

Сгорел глухарь, попортил шкуру лис.
Зайчишка мёртвый, скорчился бедняга.
По гнёздам яйца птичьи запеклись,
И всё мертво — от гребня до оврага.

Какой рукой был нанесён удар?
Какая совесть это допустила?
Погиб в огне природы дивный дар,
Вчера манивший ласково и мило.

Не нам ли надо холить и любить
Тебя, мой край, таёжные просторы,
Речных путей серебряную нить
И с облаками спорящие горы!

П. Н. Дьяконов в 1945 г. в Петропавловске
и в 1960-х гг. в Ключах

С супругой Марией Александровной в Петропавловске, 1940-е гг.

По служебной надобности в Магадан, 1950-е гг.

Навсегда!
 Камчатка!...Сколько это слово
 Для нас, проживших много лет,
 Вмещает светлого, родного,
 Мечты и горестных замет!...

Это не мое, но все равно что
 мое, твое, наше!...Ибо это корот-
 кое слово - Камчатка!, - взяло на-
 шу молодость, годы, здоровье, и
 мы не жалеем об этом !..

15 апреля 1948 г.

В. Гайдукевич

Подарок другу Павлу от Георгия (Гавриила) Захаровича
 Гайдукевича, 1948 г.

Январь 1969-го

Всё началось с простой метели,
С дождя и лужиц у окна,
Но промелькнули две недели
Пока закончилась она.

Пока морозом сбило сырость,
Подкрасив синью небеса,
Пока простор раздался, вырос —
Открыв и сопки, и леса...

Вот так: под сумрачную шалость,
Под мокро-снежные дела,
Зима резервы собирала
И с ними к «гребню» подошла!

Вечером

Отливает прозрачной соломою
На столе моём ваша рука.
Вы сидите, такая знакомая,
Но, как чья-то мечта, далека.

И рисует как лилию чёрную
Полусвет на стене вашу тень —
Вы поводите бровью узорную,
В вашей позе и нега, и лень!

Ночь лампаду повесила лунную,
Тишь ночная крадётся, как вор...
Мне сейчас бы мою семиструнную,
Чтобы с вами вести разговор.

Я сказал бы вам думу заветную,
Что таится в душе у меня.
Я бы вызвал у вас мимолётную
Полусонную вспышку огня...

Но струится прозрачной соломою
Неподвижная ваша рука.
Вы сидите, как будто знакомая,
Но как чья-то мечта далека!

Август 1949 г.

Встреча с другом

А ну... Подойди! Покажись-ка, каков!
Ведь годы не виделись... Годы!
Здоров ли? Конечно, как прежде, здоров!
Таких не ломают невзгоды.

Да, время идёт! Серебристый налёт
Мы оба в достатке имеем.
Но старостью это никто не зовёт.
Стареть мы с тобой не умеем!

Я думал о встрече, тебя вспоминал,
О детстве, о шалостях, планах.
Я, помнишь, тайгу для себя выбирал,
А ты — синеву океана...

Ну, что же! Такая, как наша, страна
Имеет просторов немало!
Качала тебя голубая волна,
Мне песни тайга напевала.

А встретить хотелось, и выпить с тобой
За детство, за счастье, за годы.
За радость победы, за труд боевой.
За красочность нашей природы!

И вот, говорят, помянул налегке.
Давай-ка поднимем стаканы!
Я много ещё похожу по тайге,
А ты — по волнам океана!

Декабрь 1947 г.

Ночь на Анадыре

Закат погас... Ночные тени скрыли
Обрыв речной и дальние кусты.
Сквозь тонкий слой из серебристой пыли
Луна глядится в воду с высоты.

Уж не понять — где омут, перекаты,
Где сеть стоит на страже до утра.
Река Анадырь спит...
Лишь как привет собрата
Вдали огонь рыбацкого костра.

Ух, напугала... В тишину ночную
Вплетает нельма отзвуки шлепка.
Бегут круги, волнуют гладь речную,
И вводят в трепет сердце рыбака.

Утята крикают — отрывисто, сторожо
На плёсе тонко свищут кулики.
А лунный свет весёлою дорожкой
Бежит к другому берегу реки.

Чукотка, 1953 г.

Новый «паразит»

Разгневалась на что-то Ключевская,
Но, охраняя форму, красоту,
И «воротник» испортить не желая,
Опять прорвалась — снизу в высоту.

Прорыв плевался лавою и сажей,
Покрыв подножья пепельным ковром,
Горел огнём, а временам даже
Гремел над ним многоголосый гром.

И всё... Теперь он затихает.
На карте сопки — новый «паразит».
Он нам нисколько, право, не мешает
И ничему серьёзно не грозит.

Пос. Ключи, 15 октября 1966 г.

Взмахнула ты в последний раз
Платочком алым мне.
И вот уж берег скрылся с глаз —
Как утонул в волне.

Уходит к северу волна,
А я плыву на юг.
И день, и ночь, вода одна,
Да неба синь вокруг.

След судна лёгок, невесом —
Исчез вдали, и нет...
Хотел бы в сердце я твоём
Сильней оставить след!

Хабаровск, сентябрь 1955 г.

По охотничьим тропам

Хороша на Камчатке тайга!
Рвёт деревья декабрьский мороз,
Но никак не остынет река
И по-прежнему точит утёс.

Из палатки клубится дымок.
На снежинках ольховая тень.
Меж ветвей виден лунный рожок —
Маловат, словно нынешний день.

А просторы кругом велики!
И не сразу поймёшь, что вдали
За извилистой жилкой реки
Плосковерхие сопки легли.

К ним увал за увалом бегут.
На деревьях куржа, как фата.
Ночью звери затейливо ткут
Паутинные нити следа.

Если ж выпал печатный снежок —
Перенога — охотничий фарт.
По собольему следу Дружок
Даже мой обгоняет азарт.

Перенога — не просто игра.
Не догоним, ночуем в тайге,
Под берёзой, под пнём, у костра
Без палатки, вот так — налегке.

А мороз донимает порой,
Застилая слезами глаза.
Но он тоже камчатский, родной,
Без него и тайга не краса

Коль любить, так любить глубоко,
Целиком, не на час, не на срок.
Ведь любимой прощаешь легко,
Даже если и видишь порок.

Хороша на Камчатке тайга —
И берёзы, и лиственниц ряд.
Красноватый букет тальника.
Тёмно-сизый еловый наряд.

Зверем тоже богата она,
Но случайной удаче не быть —
Только тех одаряет сполна,
Кто её не устанет любить!

Пос. Ключи, 2 декабря 1964 г.

Приметы

Рассвет повис над кронами берёз,
Запутавшись в ветвистые тенёта.
Тускнеют звёзды. Утренний мороз
Росу сковал до льдистого налёта.

И струйки спят в певучем ручейке.
А ты не спишь до солнечного блеска
Ещё услышишь, щёлкает — «Тэ-ке...
Тэ-кэ, тэ-ке...» — отрывисто и резко.

Певец простой, не будит тишину!
Над сонной далью песня не ликует.
И всё же в ней почувствуешь весну —
Глухарь токует!

На зорьке

Закат погас. Ночные тени скрыли
Обрыв речной и дальние кусты.
Лишь бросив горсть весёлой звёздной пыли
Луна глядится в воду с высоты.

И лунный луч по озеру дорожкой
Бежит всё шире, дальше, далеко...
Да утки крикают отрывисто, сторожко
И воздух чертят вольно и легко.

Встревожит выстрел тишину ночную,
Мелькнёт зарницей вспышка в темноте,
А лунный свет весёлую, шальную,
Всё также пляшет пляску на воде.

30—31 декабря 1953 г.

Большая ёлка

Вчера она в лесу была
И зайчик спал под ней,
А нынче в гости к нам пришла,
Сияет от огней.

Её направил Дед Мороз,
Он по лесу ходил,
Нашёл её среди берёз
И сам принарядил.

Высокая, красивая,
На площади стоит,
А детвора счастливая
Вокруг неё шумит.

Повсюду слышен громкий смех
Для всех хватает дел.
И даже снег, холодный снег,
От смеха потеплел.

Совсем как в детском садике
Веселье и игра,
Лишь ёлочка наряднее
Да гуще детвора.

И дома ёлочка густа,
Игрушек — ой-ой-ой!
Но там такая высота,
Что не снесёшь домой.

Спасибо, милый Дед Мороз,
За ёлки и за труд,
Пускай опять среди берёз
Кудрявые растут.

Пускай на них иголки
Укутает снежок,
Ведь это наши ёлки
И наш про них стишок!

23 декабря 1968 г.

Медведь

Ползут с откоса галька и земля.
Ручей шумит, меж ивами гуляя...
Резвится он, деревья шевеля,
Когтистой лапой подпись оставляя.

Прохладен день. Горит рябины куст,
В кедровом сланце прячутся орехи.
Знакомый мир торжественен и пуст,
И не сулит ни страха, ни помехи.

Вдруг грянул выстрел. Пуля, как оса,
Куснув за шею, прожужжала строго.
И он бежит, подкидывая зад,
По капле кровь роняя на дорогу.

О тебе

Как милая, как ласковая шуточка.
Игривая, как вздохи ветерка...
Как дивная, волшебная минуточка,
Как скрипки тихий стон издалека!

Вся манишь ты, как сказка неизвестная,
И ласка глаз, и девственная грудь,
Высокая, чарующе прелестная,
Где хочется прилечь и отдохнуть.

Немного счастья в жизни нам отпущено.
Лови его, как ловят мотылька!
Не поймано в момент, уже пропущено,
И снова жизнь обычна — нелегка.

Грусть

Мне сегодня так грустно, родная,
Море дразнит холодной волной.
По песку мокрый след оставляя
Рассыпается пеной прибой.

Ветер мелкие брызги срывает,
Машет чайка упругим крылом —
Вьётся чайка, волну задевая,
Ей и ветер шальной нипочём!

Беспредельная даль предо мною,
А я должен, скучая, сидеть.
Ведь ни чайкой шальной, ни волною,
Не могу я к тебе улететь...

Тихо ткёт невесёлые думы
Невесёлая пряжа — тоска.
И сижу я печально, угрюмо,
Вспоминая, как ты далека.

Принесёт ли сегодняшний вечер
Мне от дум этих тихий покой?
Всё равно я мечтаю о встрече,
О чарующей встрече с тобой.

Прощай

Холодна как метель, как рождественский лёд,
Как суровая сталь на морозе.
Ничего не дарит, ни к чему не зовёт,
И движенья застыли в угрозе.

Только миг остаётся, простимся сейчас,
Обветшалую выбросив сказку.
Ведь напрасно искать, не найдётся у Вас
Ни намёка на негу и ласку.

Не такого прощанья хотелось бы мне.
Знаю, кончилось знойное лето,
И сгорело дотла в одиноком огне
То, что было, ещё не допето.

Только пепел один от потухших углей
Затаил очертанья былого,
Да как память неясная пламенных дней
В нём тепла сохранилось немного.

Не такого прощанья хотелось бы мне.
Пусть бы трепет волненья и ласки —
Чтобы помнились Вы, наяву и во сне,
Как прекрасная фея из сказки!

Умолкни, лира!

Умолкни, лира! Сладким звукам
Внимать не хочет больше мир.
Зачем докучным сердца стуком
Тревожить дремлющий кумир.

Зачем? Не нужны миру саги
И струн певучий разговор.
Перо сломалось. На бумаге
Залитый брызгами узор.

Я много пел, но песнопенью
Никто не внемлет моему.
Оно не вызовет волненья,
Оно не нужно никому.

Оно не нужно! Струн, как было,
Моя не будет брать рука.
Ушло, что счастье мне сулило
Осталась, может быть, тоска.

Не вини

Ты сегодня, как лилия, нежная,
Обаянья бывшего полна.
И опять расплескалась мятежная
Не прошедших желаний волна.

Ты прости, если в двери закрытые
Я тихонько ещё постучал.
Если вспомнил опять пережитое,
Если вновь о тебе заскучал.

Ты прости... Я о ласке не думаю,
Ты давно мне её не даришь,
И привычна для сердца утрюмая,
Незаметно щемящая тишь.

Но когда ты, как лилия, нежная
Обаянья бывшего полна,
Не вини, что заплещет мятежная
Не прошедших желаний волна!

У моря

Я у моря. Ничто не тревожит
Этой глади без края, без дна,
Только гальку песчаную гложет,
Набегая на берег, волна.

Жизнь прожита. К расплате срок подходит
Всё меньше сил, усталость тяжелей.
Все чаще память в прошлое уводит,
Хоть много чувств — от этого больней.

Хотел бы петь, бывшее вспоминая.
Хочу писать, желанье не тая.
Но не придёт, не встретится родная,
И не звучит, как прежде, песнь моя.

Хомут с себя не сбросит на дорогу
Привычный к возу, изопревший конь.
И я, устав, сжигаю понемногу
Огонь таланта, крохотный огонь.

Экспромт

Седой туман испортил утро раннее,
Его и солнцу скоро же слизать.
Я вспомнил ваше скромное желание —
Хоть что-нибудь, хоть в шутку написать.

Но что? О чём? Ведь вы такая юная!
А я похож на утренний туман.
И шутка к вам звучала б как угрюмая,
Слова любви — заведомый обман.

Душевных качеств ваших я не ведаю,
Вы хороши — достаточно сказать.
Я не люблю гоняться за победою,
Мне просто вид ваш радует глаза!

Вы мало жили. Может, боль сердечную
Вы в жизни вашей пережили раз,
А я устал, играя в бесконечную
Попытку веры чарам милых глаз.

Ну, вот и всё. Чего ещё не сказано?
Каким словам поверили бы вы?
Невольно сердце уступает разум
В шальном кольце измены и молвы.

Я напишу...

*Ради сердца и ради разума
Я пишу тебе, ты прочти,
Я люблю тебя — этим сказано,
Этим сказано всё почти!*

А. Прокофьев

Почти что всё... И коротко, и ясно!
Письмо — мечта в вечерней тишине,
Желаний пена, сбитая напрасно,
Остывший след у памяти на дне.

Я напишу, что я люблю узоры
Реки одной в пологих берегах,
Что бег волны мои ласкает взоры,
Что мне цветы кивают на лугах.

И дремлет бор прозрачной дрёмой неги.
И спят дубы, от зноя разомлев.
Берёз плакучих тонкие побеги
Как будто слёз невыпетых напев...

Я напишу — в вечерней полутени
Мне соловей поведал неспроста,
Что нет любви без боли и смятений,
Как жизни нет в оборванных листьях.

Поведал он. Прохладой дышит вечер.
Цветёт сирень. Алеют губы роз.
Я жду тебя, я думаю о встрече.
Я весь — мечта. Я снова в царстве грёз.

Я напишу, и буду ждать ответа,
Часов и дней нанизывая нить...
Осенней лаской не заменишь лета,
Письмом твоим тебя не заменить!

Почти что всё... И коротко, и ясно!
Письмо — мечта вечернею порой,
Желаний пена, сбитая напрасно,
Тревог ночных кусающийся рой.

Так что ж писать, к далекому взывая,
Тревожа в памяти запутавшийся след...
Ты мне нужна, любимая, живая,
Но... Нет!

Ты не грусти

Ты погрусти, когда умрёт поэт
В. Шекспир

Ты не грусти, услышав: умер я —
Тебе я мёртв давно и невозвратно.
Быть может, лира слабая моя
Ещё тревожит прошлое невнятно.
Но вздох волны над сонною рекой
В полночный час не возмутит покой.
О чём грустить? Что было, то ушло.
Слезам могила внемлет безучастно —

Я не вернусь. И ляжет на чело
Морщинка лишняя, заведомо напрасно.
Что пользы путь на стороне глухой,
Одной отметить тонкою вехой.
Я не вернусь... Забыть меня легко.
Случайный хлам, что память сохранила,
Ты, не стесняясь, выбрось далеко
И улыбнись, естественно и мило.
Вот так стекляшки разные дитя
Хранит затем, чтоб выбросить шутя.
Бывает, просят изредка взгрустнуть,
Но толк какой? Былого не вернуть!

Я хотел бы немного

Я сегодня хотел бы немного —
Небольшой уголок у реки,
Чтобы за сердце ласково трогал
До мечтанья, до нежной тоски.

Пусть бы сосны от ветра шумели
И тихонько журчала вода,
И закаты багряно алели,
И горячее солнце всегда.

Я бы здесь отдыхал, вспоминая
О других, о знакомых лучах,
Что в пути повстречались сверкая,
Как прекрасные звёзды в очах.

Я бы ласково трогал бывшее,
Отбирая и ночью, и днём.
И в таком вот, широком покое
Я бы миру поведал о нём.

Разбежались думы

Разбежались думы, как утята
По осоке в диком озере.
Почему не близко, как когда-то,
Почему ты скрылась вдалеке?

Разлетелись думы воробьями —
Под окно пшеницей не собрать.
Ты осталась где-то, за морями,
На своих дорогах загорать.

Сколько их, неведомых дорожек,
По земле широкой, по воде!
Только мы увидеться не сможем,
Только нам не встретиться нигде.

Отцвела черёмуха на зорьке,
Белый цвет снежинками опал.
Нет тебя!
И холодно, и горько...

Завещание

Я, возможно, весною умру,
Оборвавши житейские нити.
Вы меня как-нибудь по утру
Потихоньку, без слёз, схороните.

Не в могилу... Зачем для меня
Эта мрачная ниша печали?
Я лелеял сияние дня,
Я любил голубевшие дали!

Золотой разведите костёр,
Пусть он будет моею могилой,
И развейте в весенний простор
Недопетую песню о милой.

Недопетой мечты огонёк
О зелёной тайге, об увалах,
О серебряной глади реки
И закатах — безоблачных, алых.

На поминках забудьте тоску,
У костра соберитесь смелее
И вослед голубому дымку
Прошепчите: «Лети веселее»...

Пусть тебе голубой океан
Заменяет тайгу и поляны.
И рыдания пурги, и туман...
За тебя поднимаем стаканы.

Ты зелёные дали любил,
И берёзку любил, и поляны.
С ними вырос и с ними прожил,
За тебя поднимаем стаканы!

Я, возможно, весною умру
Растеряв свои песни в тумане.
Вы меня как-нибудь по утру
Схороните в лесу на поляне.

Последний цветок

Кого ж одуванчик прельщает —
Родное дитя простоты?
Он чаще, средь лета, мешает
Скрывая другие цветы.

Но ранней весной, по газонам,
У тропки, забора, стены,
Его золотые бутоны —
Желанные гости весны.

Ещё интересней — в морозы,
Убившие всю красоту,
Под натиском зимней угрозы,
Найти одуванчик в цвету.

Пускай он глядит сиротливо
Красу его трудно ценить,
Но в нём основное красиво:
Уверенность — жизнь не убить!

16 ноября 1968 г.

Мария Александровна Дьяконова с друзьями — артистами-кукольниками Татьяной Петровной и Геннадием Петровичем Корсак

Павел Николаевич Дьяконов с тетей Е. А. Шутовой и женой, Вологда, 1960-е гг.

Зимняя оудра

По оудре старая ушляска бежит,
Рисует чернотой затор...

А оудра, как белое море, лежит
В белоснежном море гор.

На том, на белотике - белая гладь...

На снегу гора белая.

Сорока, эскадрилья и много птиц.

И белоснежно как снег и лед.

Здесь видно очень много вещей -

Куда все рвет и летит...

Скучно, скучно... Беловатый снег...

Собаки белые отдыхают.

И все в дороге!

С последним снегом

Почему не все видно.

Много белоснежных вещей вокруг,

Его там много видно!

И оудра совсем белая, как в море...

И всему белому, и всему...

Собаки белые, те белые в море

Много, много белых вещей.

Д.В. 15-1961. Кабул

Вечером

Заката луч безоблачно румянен,
Знать, завтра будет ясный день.
Долина речки прячется в тумане.
Вершины сопок кутаются в тень.

Озёра спят, спокойные, немые.
На них лосось порой рисует круг.
Стоят деревья, строгие, прямые.
Горит костёр. Лежит собака — друг.

Всё тихо дремлет. Всё полно покоя —
Лишь дым вверху кудрявится слегка.
И вижу я, — не только мы с тобою,
Но сказок рой присел у огонька!

Утро

Уж на востоке брызнули румяна,
Кричит кукушка где-то вдалеке.
Ты не сердись, что этим утром рано
Мы чертим путь по дремлющей реке.

Какая гладь! Вдали позолотели
Вершины сопок, с солнцем говоря.
Сторонкой утки шумно пролетели,
Под куст забился выводок чирят.

Ты не сердись! Давай не будем спорить,
Что я тебя так рано разбудил.
Смотри же, утро в солнечном уборе,
И каждый кустик бесконечно мил.

И лёгкий пар над тихой протокой
Мираж рисует зыбко в кривуне.
И так легко, и дышится глубоко.
И ты сейчас ещё милее мне!

К тебе

Нам осталось немного с тобой —
Этот вечер вдвоём скоротаем.
Пусть он будет, как сон голубой,
Набаюканный солнечным маем.

Велико обаянье мечты
О прекрасной, волнующей встрече,
Но поверь, обаятельней ты,
Для меня подарившая вечер.

Нам осталось немного мечтать —
Ты уйдёшь, улыбнувшись, в ненастье
И останется пусто опять,
Да тоска о любимой и счастье.

Что спою?

Что спою, и кому? Для чего?
Кто заплачет от песни моей?
Кто вздохнёт, улыбнётся легко,
Услыхавши заветное в ней?

Горе легче тревожит без слов,
Лишь запой, чтобы звуки лились —
И понятно, и плакать готов,
И страданье, и ласка, сплелись.

Радость слов, не считая, дарит
И летят они вольно, легко.
Щедро сердце напевы творит
Не вникая в их смысл глубоко!

Но ни горя, ни радости нет —
Эти крайности мне не даны.
Мне достался томительный след
Не расцветши ушедшей весны.

Я не верю прекрасным словам,
Что не раз, как напевы, лились.
Я не верю пленительным снам,
Что когда-то, как дым, пронеслись.

Оттого мне и песню не петь.
Да и петь для чего и кому?
Мне осталось лишь молча терпеть
Без надежды, без снов — одному!

Ваши глаза

Вы не спорьте, они голубые
В них спокойная нега озёр,
В них разгул океанской стихии
И широкий, небесный простор —
Голубые они, голубые!
Как тайга, охраняют ресницы
Неспокойную их синеву.
Но такое, такое таится
И сквозит сквозь густые ресницы,
Что встречаешь лишь раз наяву!

Ты не рви...

Ты не рви своей песенкой нервы,
Не шути этим словом — «любить».
Я с тобой, уж конечно, не первый,
И последним мне тоже не быть.

Есть разрыв меж «поздно» и «рано»,
Не всегда его сразу поймёшь.
По щекам твоим льются румяна,
А мои — как поспевшая рожь.

Твои локоны ластятся ныне
Как хмелиный по тыну разгул,
По моим же — серебряный иней
Сентябрём на ходу заглянул.

И оставила жизнь позывные
На тускнеющей глади лица.
И былые порывы шальные
Гаснут так, не дождавшись конца.

Как у дуба обломаны ветви
И листва на ветру не дрожит,
Я пою, но никто на рассвете
На призывную песнь не спешит.

Так не рви своей песенкой нервы,
Не шути этим словом — «любить».
Я с тобой, поневоле, не первый,
И последним, к несчастью, не быть!

Озеро

Как в сказочный домик окно,
Как в песне чудесное слово,
Высокую сопку оно
Крутой обогнуло подковой.

Нежнейшей лазури мазок
Его голубые просторы.
И смотрится в воду лесок,
И смотрятся снежные горы.

Над скалами клёкот орла,
По глади — утиные стаи.
И тишь вековая легла
В нетронутым, девственном крае.

Без страха шагает медведь
Его берегами и ныне.
Хотелось бы ласково спеть
Такой безмятежной пустыне.

Пускай оно тихо живёт,
Для отдыха, взоры лаская.
И сказку прекрасную ткёт
Его тишина голубая.

Если б мог...

Если б мне хоть ещё довелось
К коленям твоим прислониться,
Я бы знал — не напрасно жилось,
Я бы думал — наверное, снится!

Я не верю в чарующий сон,
В голубую весеннюю сказку,
Но помимо желания он
Обещает надежду на ласку.

Я б колени твои целовал
И в полуночи тёмной, и рано.
Я бы запах любимой вдыхал,
Я бы плакал без слёз, без обмана!

Осень
(подражание Есенину)

Пожелтели, заплакали дали
Золотыми слезами берёз,
И осыпались, будто устали,
Не найдя похороненных грёз.

Солнце блеклое ластится — осень!
И лучи не румянят лица.
Даже неба далёкая просинь
Холодна, как покров мертвеца.

Тихим стоном осенняя сказка
Заливает усталую грудь,
Как больного прощальная ласка,
Как холодный наказ — позабудь!

Позабудь! Не распустятся розы
Под вспотевшим от ветра окном.
Золотые весенние грёзы
Были только мучительным сном!

Я вас люблю

Я вас люблю, хоть это не поможет
Ответных чувств мне получить от вас.
Вы с каждым днём всё сумрачней и строже,
Улыбки нет, и блеск очей погас.

Моя любовь, я знаю, безнадежна.
Я утомил вас, часто говоря,
Что я люблю и пламенно, и нежно,
О вас одной мечтая и творя.

Я утомил. И сумрачные тени
Не раз вставали, преграждая путь.
Быть может, вы подумали о смене
И мне готовы прошептать: «Забудь!»

Быть может, вы сказали бы: «Прекрасно!»
Когда б я вас совсем, совсем забыл,
Но я не в силах, это... это ясно!
Я вас люблю и не скажу: «Любил»...

Ураган

Вчера над морем плакал ураган,
Бросая слёзы на седые скалы.
И висли слёзы, густо, как туман,
И вниз катились медленно, устало.

Внизу плясали в ярости валы,
Резвилась пены рваная манжета.
Валы просили что-то у скалы
И гасли с рёвом, не найдя ответа!

А нынче тише. Волны без гребней,
Их бег устал — ни вызова, ни гнева.
Но даль мне кажется будто холодной,
В прибое я не чувствую напева.

Люблю стихию видеть без удил,
В пальном порыве бешеного зверя.
Я радость жизни в буре находил
И боль утраты полной мерой мерил!

Ночью

Пробило полночь. Бледная луна
Одела тучки мягким покрывалом.
Горит свеча неярко. Тишина...
Плывут мечты о прожитом устало.

И ты со мной... Когда же ты пришла?
Костлявый стук твои шаги не выдал, —
Пусть даже косу ты бы занесла,
Я, замечтавшись, её бы не увидел.

Но гостье рад... Садись, поговорим...
О встречах прошлых вспомним без помехи.
Как старый дед, увидев буквари,
С тоской вспомянет детские утехи.

Ты в ледниках глядела мне в лицо,
В воде холодной, тусклая, мигала,
Плела на тундре снежное кольцо,
В тайге звериной яростью пугала...

Какие годы! Ты уж не сердись —
Я улыбался, встретившись с тобою.
Мне всё тогда напоминало жизнь,
Что было трудно, что давалось с бою.

Тебе нужда не только до меня,
Но ты и мне минуты находила,
Косой своей сверкая и звеня,
Ты проверяла молодость и силу.

За встречи я тебя благодарю.
За всё, что ты мне раньше подарила.
Но вот сегодня прямо говорю —
Она, мой друг, без времени могила!

Я не закончил жизненный расчёт,
И умирать бессовестно и рано.
Как речка горная порожиисто течёт
Пока не вырвется к простору океана

Новогоднее

В эти минуты, до Нового года,
Милая, что мне тебе пожелать?!
Все бы богатства искусства, природы,
Рад бы тебе я отдать!
Всё бы тебе — и улыбки, и счастье,
Радость и смех, и веселье весь год.
Пусть же тебя не коснётся ненастье,
Пусть никакая беда не найдёт.
Пусть ты цветёшь каждой клеточкой тела,
Пусть ты сверкаешь, как нежный алмаз,
Пусть... Только дай хоть немножко, несмело,
Ласки отведать, прижаться хоть раз.
Пусть всё тебе! Но не будем стучаться
С просьбой сегодня к всеильной Судьбе.
Вся ты сама, как огромное Счастье!
Радость и боль, и веселье в тебе.

Счастье

Понимаешь ли ты, дорогая,
Что великая радость любви,
Точно солнце прекрасного мая
Что огнём окунулось в крови!

Зацветёт, заколышется песня,
Голубая мелодия зорь
Разольётся по сердцу чудесно!
Ты со мной, дорогая, не спорь.

Знаю я, что случаются грозы,
Даже в мае стихии слепы.
Но и самые дивные розы
Неизбежно имеют шипы!

Безмятежное счастье уныло.
Лишь, омытая грозами, вновь,
Возвращается с страстной силою
Бесконечно большая любовь!

Не тоскуй!

Ты сегодня какая-то вялая,
От житейских мыслей далека.
А на улице крутится шалая,
Бесшабашно сырая пурга.

Пусть звучит её песня постылая,
Ты себя тосковать не неволь.
Для чего? Она кончится, милая,
Как кончается всякая боль.

Я люблю завыванье буранное,
Одичалый, заснеженный пляс,
Но тоску беспричинную, странную,
Я почувствовал тоже не раз.

Не тоскуй! Позабудь про уныние,
Про пурги беспросветную дурь.
Снова море покажется синее,
Снова небо раскинет лазурь!

У маяка

Море сегодня совсем голубое
И ласково светится даль.
У ног расстилается пена прибоя,
Как тонкая, белая шаль.

На небе ни облачка. Чайки, летая,
Не плачут над морем с тоской.
И просится сердце далёко, без края,
Умчаться по глади морской!

А помнишь недавнего шторма картину —
Небес доставали валы,
Пружинило море могучую спину,
Ломаясь у нашей скалы

Высоко солёные брызги летали,
Дрожала скала от волны.
А мы с тобою, прижавшись, стояли
И были восторга полны.

Под грозную песню суровой стихии
Хотелось нам крикнуть с тобой,
Что мы не боимся — мы сами морские,
И с бурей мы выдержим бой!

Осенний лес

Нависла над лесом тяжёлая туча,
Холодным дождём по вершинам стучит.
А лес, как бывало, не вздрогнул могуче
И в спор, не вступая, молчит.

Не первое в жизни осеннее лихо
Листов пожелтевших снимает убор.
И падают листья угрюмо и тихо,
И ветер их прячет, как вор.

Весенние песни пропеты,
Главу беспросветная непогодь гнёт —
Он ищет забвенья, но верит, что лето
Напевы былые вернёт!

***

Зайчонок мой! Моя родная крошка!
Какая даль забросила тебя?
Побудь со мной совсем-совсем немножко
И грёзы сна нашептывай, любя.

И я усну под сказочную песню,
Под эти грёзы, тихо, хорошо...
И будет мир волшебнее, чудесней,
И скажет сердце — пусть ещё, ещё!

Прекрасна юность! Тело молодое
Желаний разных без вина полно.
С годами тело жаждет покоя
И для желаний требует вино.

Вот так подруга — с самой первой чаркой
Шальная юность входит без помех...
Кипят желанья. Снова сердцу жарко.
И хочется вина, объятий и утех!

Старая берёза

Обрыв скалистый, водопада слёзы.
Кусты рябины празднично красны.
И над обрывом старая берёза
Роняет листья тихо, до весны.

Клубится облачко над спящею долиной,
Кричит кедровка где-то в кедрачах.
Жемчужно светят нити паутины.
Белеет сопка в солнечных лучах.

В уборе жёлтом вольно разметала
Своих ветвей берёза переплёт.
По ней кора лохматится, отстала,
И прячет в складках прошлого налёт.

Пейзаж родной — долины да увалы,
По сопкам снег, кедровые кусты.
И вот, она — как символ, как начало,
Такой простой, суровой красоты!

Осенний романс

Пожелтевшие листья кружатся,
Оторвавшись от ветки родимой.
И тихонько на землю ложатся
Или ветром проносятся мимо.

Загоняет их ветер в овраги,
Рассыпает горстями по крыше.
Как измятые клочья бумаги
Поднимает всё выше и выше.

Это осени призрачный танец —
Золотистая песня печали,
Или только прощальный румянец
Той весны, что мы вместе встречали!

Той весны, что, казалось, без края
Нам сулила волшебные сказки
И увяла, вот так, обещая,
Без цветов, без надежды и ласки.

И увяла! Как лист одиноко
Я лечу в неведомые дали.
И звучит в моём сердце глубоко
Золотистая песня печали.

***

Что ещё не пето
В этот день туманный?
На душе не лето,
Песни нет желанной!

Плачут окна хмуро.
Серыми слезами.
В них стучит берёза
Голыми ветвями.

Да, в душе не лето,
Не весна, не осень, —
Злая непогода
Скрыла неба просинь!

Тяжестью неясной
Сердце защемило
И не ждать прекрасной,
Песни, сердцу милой!

Придёшь ли?

Ну, хорошо, тебя сегодня нет.
Ещё один, печальный как могила,
Ещё один томительный рассвет.
Ещё один... И пусто, и уныло!

Таких часов, тяжёлых, как угар,
Больных тоской, невыразимо вялых,
Я полной мерой получаю в дар.
И ты ещё считаешь — мало...

Ну, хорошо, сегодня не пришла.
Придёшь ли завтра, тоже не известно.
Быть может, ты лишь призраком была?
Тебе, быть может, в мире этом тесно?

Не верю я, меня не убеждай,
Что ты — не ты, что это призрак бродит.
Но если ты, как солнцеликий май,
То май, порой, а всё-таки приходит!

И ты придёшь, придёшь ли, говори?!
Забудем призраков неведомые тени.
И я скажу — любимая, смотри,
Ведь я твои исцеловал колени!

***

Липучий снег принёс восточный ветер,
Вторые сутки бесится пурга.
Становится немилым всё на свете.
Лежишь и ждёшь... И скука, и тоска!

Собаки цепью брякают спросонок —
Упряжке бедной тоже нелегко...
Над станом каркнет мокрая ворона
И ей другая вторит далеко.

И снова тихо, только ветер воет
В скалистых падах эхо шевеля.
И, кажется, вовеки не откроет
Зелёных недр камчатская земля.

Камчатская весна

Весенний день. Под яркими лучами
Поплыл по тундре разомлевший снег.
Сверкает всё. Нельзя смотреть очами,
Не спрятав их за переплёты век.

Ручьи шумят, и в полосе прибрежной
Пахучей почкой каждый куст набух.
Поют синички весело и нежно,
И трясогузка ловит первых мух.

Но по сопкам снег спокойно, как зимою,
Лежит, и будто солнце нипочём.
Но даже здесь медвежьёю стопою
Весенний след запечатлён на нём.

Вальс

Вечер и снег...
А след не забытых желаний
Петляет не ясно, как трепетный бег
Напуганной шорохом лани.

Тихо рука
Струну довела до печали.
Смелее, друзья! Наливайте стакан
И вспомним, что в жизни встречали.

Выпьем за то,
Что, может, бывало однажды,
Да только на сердце осталось потом
Осадком не гаснущей жажды.

Выпьем смелей
За очи любимой подруги,
За ширь океана и зелень полей,
За горы, леса и за вьюги!

Далей родных
Исхожено нами не мало...
Так выпьем за родину, выпьем за них,
Чтоб песня задорней звучала!

Охотское море

Пустынная «кошка». Песок и песок.
Зачахшая травка в пыли.
Обрыв за лиманом, утрьом, невысок,
И ржавая тундра вдали.

Ложится по берегу вечный прибой —
Гремит за ударом удар.
И в штиль, и в тайфуны волну за волной
Шлёт море суровое в дар.

По кошке, молчание смерти храня,
Стоят небольшие кресты.
И даже в сиянии летнего дня
Они неказисты, просты.

Здесь те, кто с природой завязывал бой
И тихо, навеки, заснул.
Теперь им не страшен ни вечный прибой,
Ни шторма зловещий разгул.

Они победили. Их дело живёт!
О них вспоминают тепло.
А воля сменивших вперёд и вперёд
Стремится стихии назло!

Шивелуч

Проплывали столетия мимо тебя,
Ты в ответ только тихо курился,
Да о прошлом величии, может, скорбя
Иногда снежным маревом злился.

Поднимал ты, как воин, седую главу,
Одиноко, угрюмо, устало.
На отвесных обрывах не только траву,
Даже снежную пыль не держало!

И свободно ветра обведали её,
Эту грозную грудь великана...
И ничто не смущало молчанье твоё,
Никакая не трогала рана.

По суровому отблеску чёрных сосков
Мы гадали о звере весною —
Он ушёл из берлоги и будет каков?
И пойдёт ли дорогой лесною?

А с вершины лилась бесконечная даль —
Голубого сиянья беремя.
И тихонько за сердце щипала печаль,
Что не выросли крылья на время...

Для такого простора и жизни не жаль,
Да в мечтах только крылья имеешь...
Оттого ты, угрюмый, навеешь печаль,
А развеять её не умеешь!

Портрет

О ней не скажешь — ветрена, как шубка,
Что с плеч на плечи падает легко.
Шаблона нет ни в шутке, ни в поступках.
О чём мечтает — скрыто глубоко.

Её глаза предупреждают — бросьте!
Хотя б сама желанием полна.
Чего в ней больше, нежности, ли злости,
Понять не мог бы даже Сатана...

Быть может, нет Венеры совершенства,
Скупа для чувств, ленива на дела...
Но в редкой ласке жертвует блаженства
Как ни одна бы в мире не дала!

Практичный ум фантазий не вмещает,
Но спору нет, по-своему умна.
Слова правдивы — если обещает,
То... очень редко выполнит она!